

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47)

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.199-212

ПОНЯТИЕ «ОБРУСЕНИЕ» В ТРАКТОВКЕ ПРОФЕССОРА П.В. ЗНАМЕНСКОГО

Т.М. Нехорошева

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
г. Москва, 115184, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрено понятие «обрусение», встречающееся в публикациях историка, профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского. Обоснована мысль о том, что взгляды профессора на проблему формировались во многом под влиянием идей Н.И. Ильминского. Показано, что для П.В. Знаменского «обрусение» главным образом означало, с одной стороны, любовь нерусских народов, входивших в состав Российской империи, к государству и царю, верноподданнические настроения в целом, с другой – принятие православия. Постановку вопроса о переходе неславянского населения на русский язык историк считал преждевременной и являлся сторонником использования национальных языков, хотя и не отрицал того, что через несколько поколений некоторые малые народы могут слиться с русским народом.

Ключевые слова: П.В. Знаменский, Н.И. Ильминский, малые народы Российской империи, национальная политика, «обрусение», русификация, национальные языки, христианское просвещение, христианизация, этноконфессиональный вопрос

Профессор Казанской духовной академии Пётр Васильевич Знаменский (1836–1917) известен в первую очередь как историк Русской православной церкви. Однако в своих работах он затрагивал и современные ему проблемы, в том числе вопросы национальной политики, в частности касающиеся русификации народов Российской империи.

Понятие «русификация» («обрусение») является полисемантическим: так, современник П.В. Знаменского, генерал от инфантерии, географ И.Ф. Бабков (1827–1905), более 30 лет прослуживший в Сибири, настаивает, что, говоря об «обрусении», необходимо пояснять, что имеется в виду: «Нельзя понимать под словом “обрусение” одно только усвоение русских обычаев, привычек и вообще внешней обстановки русской жизни» (Бабков, с. 344).

О проблеме расхождений в истолковании этого понятия пишет историк А.И. Миллер, отмечая, что термин «русификация» без каких-либо дополнительных пояснений часто используется для отражения как аккультурации, заключающейся в освоении новых культурных моделей и не подразумевающей смены этнической самоидентификации, так и ассимиляции, напротив, ведущей к смене национальной идентичности [1, с. 61, 63]. «...Я полагаю, что правильнее говорить

не о русификации в единственном числе, но о “русификациях”, то есть о целой группе разнообразных процессов, часто различающихся не мелкими деталями в проявлении общего принципа, а самой внутренней логикой и природой», – пишет историк [1, с. 57–58]. Исследователи А. Ремнев и Н. Суворова, также обращавшиеся к «Воспоминаниям» И.Ф. Бабкова [2, с. 158], с сожалением признают, что при обилии трактовок этого термина¹ в российской науке не было выработано внятных и практических рекомендаций, касающихся «русификации» окраин [2, с. 153].

Попытку выделить основные компоненты, в различных соотношениях и комбинациях ложившиеся в основу многочисленных вариантов «официальных» версий «русскости» (а соответственно, и «обрусения»), предпринимает американский историк Роберт Джераси, автор монографии «Окно на Восток», называя такие элементы, как язык, вероисповедание, лояльность властям, историю и обычаи, расовые признаки [4, с. 418]. С ним соглашается упомянутый выше А.И. Миллер, утверждавший, что «русскость» для одних заключалась главным образом в исповедании православного христианства, для других – в языке и культуре, для третьих – в расе [1, с. 72]. К схожим выводам приходят А. Ремнев и Н. Суворова, выделяя наиболее значимыми элементами «русского дела» на азиатских окраинах империи следующие – «русский земледелец, православный, верноподанный» [2, с. 187].

Цель настоящей статьи – проанализировать, какое значение в понятие «обрусение» вкладывал П.В. Знаменский, для чего необходимо определить его отношение к использованию русского и местных языков представителями разных этносов, в том числе в области образования и религии, выявить, какую роль он отводил в национальном вопросе христианизации и политической лояльности.

Ученик П.В. Знаменского историк И.М. Покровский отмечал, что «миссионерско-культурный инородческий вопрос» всегда был интересен профессору, в особенности после смерти его друга – известного казанского миссионера и просветителя нерусских народов Н.И. Ильминского (1822–1891) [5, с. 34]. На это же указывал другой казанский исследователь К.В. Харлампович в биографическом очерке, посвященном П.В. Знаменскому, отмечая, однако, что эта дружба была не единственной причиной интереса историка к проблемам малых народов [6, с. 94].

В начале XXI в. исследователи вновь обратились к сюжету о дружбе казанского историка с Н.И. Ильминским. Так, о ней упоминает профессор МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Фёдоров [7, с. 133]. В монографии «Христианизация народов Поволжья: Н.И. Ильминский и православная миссия» автор, священник А. Колчерин, также уделяет внимание этому сотрудничеству, говоря, что, хотя П.В. Знаменский и не участвовал напрямую в христианском просвещении малых народов Казанского края, тем не менее «уже тогда предвидел всё благотворное воздействие системы Ильминского на развитие и христианизацию нерусских народов» [8, с. 327], сумел разглядеть ее «грандиозное значение» [8, с. 571].

Подобные упоминания о связях П.В. Знаменского и Н.И. Ильминского являются наиболее распространенным в историографии способом показать, что П.В. Знаменский каким-то образом был связан с вопросами, касавшимися малых

¹ Анализ интерпретаций понятия «русификация», употребляемого в некоторых наиболее знаковых работах XIX – XXI вв., проводит в своей статье М.Н. Крот [3].

народов (редким исключением является статья Е.В. Липакова в «Православной энциклопедии», в которой автор сообщает об этнографическом интересе историка к народам Поволжья вне связи с Н.И. Ильминским [9]).

П.В. Знаменскому в конце XX – начале XXI в. был посвящен еще ряд работ², однако вопрос отношения историка к русификации в них не поднимался.

Таким образом, сюжет участия П.В. Знаменского в «национальном вопросе» в историографии представлен в большинстве случаев описанием его дружбы с Н.И. Ильминским и кратким упоминанием одобрения миссионерско-просветительской системы казанского ориенталиста. Проблема собственного отношения П.В. Знаменского к обрусению и применения им этого понятия в своих трудах остается в историографии неразработанной.

Между тем термин «обрусение» можно встретить как в ранних, так и в поздних публикациях П.В. Знаменского. Так, в эпоху Великих реформ, а именно в 1867 г., он высказывает предположение, что через два-три поколения «черемисский» (то есть марийский) край обрусееет, аргументируя это тем, что этнические особенности быта сгладились в течение последних лет, что молодые марийцы не только владеют русским языком, но и, относясь с презрением к своим обычаям, стараются подражать русским. Об этой «славянизации», по его собственному выражению, П.В. Знаменский пишет с большим воодушевлением (Г.Ч., с. 33). В 1910 г., через пять лет после объявления Указа о веротерпимости³, когда в обществе вновь горячо обсуждался вопрос, на каких началах теперь стоит строить систему образования среди нехристианских народов, он с сожалением отмечает, что о каком-либо обрусении татар на фоне усилившегося после Манифеста 17 октября 1905 г.⁴ движения «панисламизма», напротив, не может быть и речи (К.Т., с. 35).

Итак, П.В. Знаменский и в молодости, и ближе к концу жизни использует в своих публикациях понятие «обрусение» в положительном ключе, но если в 60-е годы XIX в., в период активной христианской просветительской деятельности среди нерусских народов, центром которой стала Казань, он с энтузиазмом смотрит на вероятное «обрусение» одного из народов, то спустя 40 лет в совершенно иной исторической обстановке, наоборот, констатирует невозможность этого в отношении другого народа. При этом близость к русским для П.В. Знаменского – некий отличительный признак, который во многом (осознанно для казанского историка или нет) формирует его позитивное или негативное восприятие того или иного народа в целом. Так, в положительном ключе он пишет о горных марийцах, которые живут «в близких связях с русскими», а в негативном – о луговых марийцах, которые «отворачиваются» от русской цивилизации (Г.Ч., с. 30), и о татарах (К.Т., с. 13, 15), обладающих по сравнению с другими

² Знакомству П.В. Знаменского с такими деятелями исторической науки и литературы, как П.В. Ключевский и Н.С. Лесков, посвятили свои статьи Б. М. Куницын [10, 11] и Е.А. Чиркова [12]; некоторые особенности его подхода к изучению русской церковной истории затрагивают в своих публикациях нижегородские исследователи В.А. Знаменский [13] и Н.И. Солнцев [14], казанский историк Е.А. Бажура, который в своей монографии на основании студенческих работ и рецензий на них анализирует специфику преподавания П.В. Знаменским истории Русской церкви [15]. Е.А. Бажура также посвятил П.В. Знаменскому статью, в которой рассматривает особенности его подхода к изучению трудов светских авторов по церковной истории [16].

³ Указ Об укреплении начал веротерпимости // Полн. собр. законов Российской империи: Собр. 3-е. СПб., 1908. Т. 25: 1905. С. 237–238.

⁴ Высочайший манифест 17.10. 1905 (Об усовершенствовании государственного порядка) // Российское законодательство X – XX вв.: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1994. Т. 9. С. 41.

народами более устойчивым национальным самосознанием и не склонных к «обрусению» (К.Т., с. 32–34). Иными словами, чем дальше в культурном плане народы отстоят от русских и чем менее поддаются русификации, тем сложнее к ним отношение П.В. Знаменского. И тем не менее, утверждая этот тезис, легко допустить упрощение, связанное с многогранностью смыслов, вкладываемых в понятие «русификация», и зачислить казанского профессора в ряды сторонников идеи полной ассимиляции малых народов с русскими. На деле не всё было столь однозначно.

В 1900 г. к П.В. Знаменскому в личном письме обращается, прося совета и поддержки, священник Даниил Филимонов, который рассказывает о проблемах в одном чувашском монастыре, где со стороны новой русской игуменьи возникла угроза сохранению национальной идентичности сестер: она запрещала им молиться на родном языке, презрительно относилась к ним только из-за национальности (ГА РТ-1, л. 43–46 об.). Понятно, что писать П.В. Знаменскому о таких вопросах, ища сочувствия, священник не стал бы, если бы профессор и игуменья подразумевали под «обрусением» одно и то же.

В том же 1900 г. П.В. Знаменский состоял в переписке с директором Туркестанской учительской семинарии, И.М. Софийским, у которого были напряженные отношения с главным инспектором училищ Туркестанского края Ф.М. Керенским (отцом будущего главы Временного правительства). Директор семинарии жалуется, что Ф.М. Керенский считает русский язык единственным средством к сближению с местным населением (ГА РТ-2, л. 13 об.–14). Из этого можно сделать вывод, что И.М. Софийский видел в П.В. Знаменском единомышленника, который, в отличие от Ф.М. Керенского, не считал русский язык необходимым для преподавания всем народам, населявшим империю.

Подтверждает эту мысль другое письмо И.М. Софийского, в котором он сообщает П.В. Знаменскому об успешном опыте обучения учеников-казахов на родном языке лишь с частичным обращением к русскому (в противовес преподаванию сразу на русском языке) (ГА РТ-2, л. 10 об.–11). Эти страницы подчеркнуты вдоль полей карандашом: профессор, читая письмо, выделил эти строки, чтобы в дальнейшем использовать их в своих публикациях как дополнительное подтверждение успешности преподавания на местных языках (Участие, с. 116).

Хотя сказать, что П.В. Знаменский в принципе отрицает перспективу перехода учащихся из числа малых народов на русский язык, нельзя, однако он считает, что этот переход к русской речи и письменности должен происходить не сразу, а лишь тогда, когда ученики усвоят через свой родной язык общее русское культурное направление, а до тех пор об этом говорить рано (Участие, с. 115).

И действительно, П.В. Знаменский в своих публикациях с некоторой досадой отмечает, что преподаванию русского языка в школах национальных окраин придается преувеличенное значение, «как будто бы русский язык может считаться самым главным и непреодолимым орудием для выделки из инородца настоящего русского человека» (Участие, с. 114), а говоря о школе в Туркестанском крае, историк выражает сомнение, «много ли она могла сделать для обрусения края с одним только своим русским языком» (Участие, с. 22). Здесь П.В. Знаменский снова говорит об «обрусении» в положительном ключе, но при этом он скептически настроен к преподаванию на русском языке в школах для нерусских детей,

то есть для него «обрусение» вовсе не означает обязательного перехода на русский язык.

Более того, использование местных языков П.В. Знаменский считает необходимым условием успешной миссионерской деятельности Православной церкви на протяжении всей истории Российского государства. Например, рассказывая в своем знаменитом учебном пособии по истории Русской церкви о святителе Стефане Пермском (XIV в.) или преподобном Феодорите Кольском (XVI в.), историк связывает успех их христианской проповеди разным народам с использованием ими национальных языков (Руков., с. 93–94, 118–119). Важно отметить, что в обоих случаях П.В. Знаменский говорит об успехах именно христианского просвещения нерусских народов.

Связь использования местных языков и христианизации присутствует и в других публикациях П.В. Знаменского. Так, он с сожалением замечает, что у всякого народа, богослужебный язык которого не национальный, религиозность носит исключительно обрядовый характер (К.Т., с. 22). При этом он знал, что часть русского общества, например некоторые духовные лица, опасаясь развития сепаратизма у нерусских народов, скептически относилась к использованию местных языков в школе и церкви. Однако видеть в русском языке «залог обрусения» и «всесильную панацею» против сепаратизма народов, входящих в состав империи, по меньшей мере наивно, считает профессор (К.Т., с. 47). П.В. Знаменский удивляется, почему некоторые представители православного духовенства пекутся больше «об интересах государственного языка», а не о том, как бы облегчить малым народам изучение христианских истин через их родные языки (Участие, с. 6). «Христианские понятия и правила, конечно, живее и сердечнее усвоятся на родном языке», – и на закате своей жизни считал историк (К.Т., с. 47). Для П.В. Знаменского не могли пройти даром три десятилетия тесного общения с Н.И. Ильминским, который не только считал, что просвещение лучше осуществлять, используя национальные языки, но и был убежден в том, что в случае, когда становился неизбежен выбор между христианизацией и «обрусением», обращение в православие важнее прочих аспектов «национального вопроса» (Письма, с. 398–399).

Можно с определенной долей уверенности утверждать, что взгляды П.В. Знаменского на роль национальных языков в деле просвещения народов Российской империи формировались под влиянием Н.И. Ильминского, которого казанский историк назвал «незабвенным» и относился к нему как к главному просветителю нерусских народов (О перев., с. 244, 247). Это совпадение точек зрения, а точнее следование взглядам Н.И. Ильминского, было известно современникам П.В. Знаменского. Так, когда осенью 1910 г. праздновалось 50-летие академической деятельности П.В. Знаменского, Педагогический Совет Миссионерских курсов г. Казани обратился к нему с юбилейным приветствием, отмечая его приверженность идеалам Н.И. Ильминского в вопросах просвещения малых народов (Ю.П., с. 144). Поэтому важно здесь упомянуть о взглядах казанского миссионера.

Директор Казанской учительской семинарии, востоковед и миссионер, Николай Иванович Ильминский известен как создатель системы христианского просвещения нерусских народов, заключавшейся в организации школ с преподаванием на местных языках национальными учителями, рукоположении в нерусские

приходы священников – представителей этих же народов – с богослужением на родном языке (Записка, с. 273, 274). Эту систему П.В. Знаменский всецело поддерживал и называл «приносящей богатый плод» (О перев., с. 247). Историк отводил важное, едва ли не главное место в деле просвещения не только кряшен, но и других народов основанной Н.И. Ильминским Казанской центральной крещено-татарской школе, где велось преподавание на родном для учеников языке, и выпускники которой – кряшены и в меньшей мере представители некоторых других народов Поволжья – возвратившись в родные села и деревни, часто становились учителями для своих земляков (Память, с. 164, 169, 202–203). Эта школа, по словам П.В. Знаменского, положила «первое основание новому христианскому просвещению инородцев восточного края с помощью их природных живых языков» (К.Т., с. 44). Так же как Н.И. Ильминский, П.В. Знаменский был убежден, что, помимо преподавания на местных языках, очень важно, чтобы просвещением нерусских народов занимались представители той же национальности – он писал об этом и в 1866, и в 1910 г. (Р.С.Ч., с. 64; К.Т., с. 43–44).

Итак, можно сказать, что П.В. Знаменский, выступая за использование национальных языков, рукоположение в священники представителей малых народов, которые будут совершать богослужение на языке своих прихожан или же осуществлять преподавание на родном языке, преследовал при этом определенную цель, а именно – миссионерство среди крещенных ранее народов. О сочувствии профессора миссионерскому делу упоминалось и в некоторых из приветственных адресов к указанному выше 50-летию академической деятельности (Ю.П., с. 144, 145). Таким образом, говоря об «обрусительных» настроениях П.В. Знаменского, нужно понимать, что речь зачастую идет не о русском языке, а о «русской», то есть православной, вере.

Стоит отметить, что подобный подход не был чем-то новым. Связь вероисповедания и национальной идентичности начинает проявляться уже в Древней Руси в XII – XIII вв. [17, с. 27; 18, с. 91], когда конфессионимы и этнонимы нередко становятся взаимозаменяемыми [18, с. 47], и находит свое отражение в XIX – начале XX в. Так, автор упоминавшейся выше монографии «Христианизация народов Поволжья: Н.И. Ильминский и православная миссия» объясняет желание представителей малых народов Казанского края перейти в ислам или исполнять языческие обряды стремлением продемонстрировать свою национальную идентичность, потому что православие, по их словам, является «русской» верой [8, с. 91].

Однако идея подобного соотнесения веры и национальности не только была распространена среди малых народов, она проявлялась и в русской церковной публицистике [19, с. 29], где высказывались мысли о том, что «стать русскими при желании могли и представители иных народов, принявшие православие и русскую культуру» [19, с. 31]. Например, выразителями подобных идей были протоиерей Философ Орнатский, в 1890 г. утверждавший: «Надо быть православным, чтобы быть русским, хотя бы этот русский был еврей или татарин» (цит. по [19, с. 29]), или викарий Санкт-Петербургской епархии епископ Никандр (Феноменов), произнесший в 1913 г.: «... Кто в веру православную перешел, тот русским стал. “Православный” и “русский” в народном сознании слова – однозначные» (цит. по [19, с. 30]). В данном контексте принятие православия могло рассматриваться как форма обрусения: по словам того же протоиерея Ф. Орнатского,

«дело христианской миссии в России стало и делом обрусения» (цит. по [19, с. 29])⁵. Иначе говоря, когда речь заходила об «обрусении» в связи с деятельностью христианской миссии, Н.И. Ильминский и П.В. Знаменский не оставались в одиночестве – их мнение разделяли и другие авторы.

Иногда П.В. Знаменский рассуждает об «обрусении» в контексте культуры, «культурного направления». Выше упоминалось, что, по его мнению, общее русское культурное направление малые народы лучше способны усвоить через родные языки (Участие, с. 115), а говоря о подрастающем поколении, он отмечал, что сближение молодежи с русскими достигалось за счет воспитания учеников в школах системы Н.И. Ильминского «в духе... русской культуры» (Некр., с. 10)⁶. Маловероятно, что под «культурным направлением» П.В. Знаменский понимал приобщение малых народов к русской классической литературе и искусству: в этих школах учебный план не подразумевал подобных предметов (Пр.шк., с. 6–13); скорее всего, это было перенимание быта, уклада жизни русского народа. Подтверждает это предположение вышеприведенное указание П.В. Знаменского на луговых марийцев, «отвращающихся от русской цивилизации» и не похожих в этом отношении на горных марийцев, занимающихся земледелием, русскими ремеслами и рукоделиями (Г.Ч., с. 30). Таким образом, вероятнее всего, под «русским культурным направлением» по П.В. Знаменскому следует понимать усвоение малыми народами русских бытовых привычек и традиционных занятий (впрочем, из-за неопределенности употребления историком этого словосочетания не исключены и другие прочтения).

Помимо православной веры, у П.В. Знаменского часто встречается еще одна трактовка «обрусения». Рассказывая о школах системы Н.И. Ильминского, в 1900 г. П.В. Знаменский пишет, что русское образование в них облеклось «в родную национальную форму, чтобы... сделаться для них (учеников. – *Т.Н.*) своим, родным и самих их сроднить с общим для них с нами русским отечеством» (Участие, с. 5). Большой интерес представляет его цитата из «Казанских татар»: «А воспитательная часть и весь вообще строй школ Ильминского целиком проникнуты именно русским направлением, рассчитаны именно на то, чтобы питомцы их полюбили Россию и русских, полюбили и русского Царя и русскую православную церковь и сами сделались русскими, хотя бы и с не особенно сильным знанием русского языка» (К.Т., с. 47)⁷. Иными словами, «обрусение» для П.В. Знаменского состояло не в использовании русского языка и отказе от национальной культуры, а в любви к России, восприятию ее как Родины, в верноподданническом отношении к императору. В этой связи верным представляется утверждение А.И. Миллера, что зачастую для империй приоритетной является

⁵ Тесная связь конфессионимов с этнонимами и политонимами характерна не только для Российской империи, но и для других государств. И.Ю. Смирнова в своей монографии приводит любопытное свидетельство: в 1844 г. французский консул в Иерусалиме граф де Лантиви писал, что представители протестантской епископии в Святой Земле пытаются «создать английскую нацию посредством перемены религии жителей» (цит. по [20, с. 150]).

⁶ Об «обрусении» как о «культурном сближении» с русскими по системе Н.И. Ильминского писал и Николай Алексеевич Бобровников – приемный сын создателя этой системы, заменивший его на посту директора Казанской учительской семинарии (см. (Бобров., с. 20)).

⁷ Эту особенность школ системы Н.И. Ильминского подмечал выпускник одной из них, генерал А.Е. Яковлев, говоривший, что задачей педагога там было не видеть в учащемся «инородца», а вырастить из него «преданного сына России» (Яковл., с. 88).

не ассимиляция всего населения, а его лояльность [1, с. 70]. Очевидно, что П.В. Знаменский придерживался такой же точки зрения.

При этом историк рассуждал об «обрусении» не как об умозрительном отвлеченном предмете – практическое воплощение этого явления он видел в ближайшем сподвижнике Н.И. Ильминского, священнике Василии Тимофееве (Память, с. 115). Именно о нем П.В. Знаменский писал, что тот представляет собой «лучший и наиболее соответственный идеям Н.И. Ильминского образчик разумного и сознательного обрусения» (Некр., с. 11), поэтому важно понимать, каким человеком был отец Василий.

Родом из кряшен, Василий Тимофеевич Тимофеев не порывал со своими «единоплеменниками»: став заведующим Центральной крещено-татарской школой, а затем и священником, он не только принимал активное участие в создании переводов богослужебных книг и Священного Писания на родной язык, но и совершал миссионерско-просветительские поездки по Казанскому краю. Выше писалось, что в Центральной крещено-татарской школе, которой он заведовал, обучение велось на родном для учеников языке – на нем же он совершал богослужения, став священником (Память, с. 253–254). Таким образом, говорить о его «обрусении» по части языка можно только в том отношении, что он знал русский язык, но всё же именно родной язык был для него основным средством его просветительской и богослужебной деятельности.

«Обрусение» священника Василия Тимофеева состояло в другом: во-первых, это не только осознанное личное принятие православия, но и активная миссионерская деятельность. Так, по его собственному свидетельству, татары о нем говорили, что он проповедует среди своих односельчан идею «жить по-русски (то есть по-христиански)» (Дневник, с. 162). Здесь проявляется выше обозначенный феномен соотношения вероисповедания с национальностью. Во-вторых, это патриотизм по отношению к России. Исследователь церковного пения, педагог Степан Васильевич Смоленский (1848–1909), как и П.В. Знаменский, поддерживавший систему Н.И. Ильминского и называвший использование местных языков при богослужении «могучим средством для обрусения» (Защ.просв., с. 37), характеризовал отца Василия следующим образом: «По “русской вере” и Василий Тимофеев, и все его ученики, хотя и часто ошибавшиеся в русской речи, были всё-таки люди, искренно преданные России. А это – всё» (Защ.просв., с. 37–38). Поэтому когда П.В. Знаменский писал об отце Василии, что «мысль о сближении с русскими была господствующей мыслью и всех его поучений в храме по принятии им священства» (Некр., с. 11), то под этим «сближением» он подразумевал в первую очередь не русский язык, а благодарность представителей малых народов к титульной нации империи, их веру в цивилизаторскую миссию русских – недаром историк акцентировал внимание на том, что центральной мыслью проповедей и речей священника Василия Тимофеева было отношение к русским как к народу, несущему просвещение остальным (Некр., с. 10–11, 17–18).

Тем не менее, несмотря на то что П.В. Знаменский понимал под «обрусением» в первую очередь единство веры и политическую лояльность при сохранении национальной идентичности, утверждать, что он отрицал ассимиляцию малых народов с русскими в принципе, было бы некорректно. В 1896 г. профессор писал об отце Василии Тимофееве: «Но мы твердо веруем, что ваши с Николаем

Ивановичем труды... среди племен, вами просвещенных, будут предметом самых живых преданий до тех пор, пока эти племена не сольются с великим русским морем» (Некр., с. 22). Годом ранее П.В. Знаменский принимал участие в издании писем Н.И. Ильминского обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву, в одном из которых, датированном 27 июня 1891 г., ориенталист делится со своим высокопоставленным корреспондентом следующими мыслями: «Но я полагаю, что такие мелкие, разрозненные народности не могут прочно существовать и в конце концов они сольются с русским народом самым историческим ходом жизни» (Письма, с. 399). В обоих этих высказываниях, очевидно, прослеживается одна и та же идея: в целенаправленном «обрусении» малых народов нет необходимости, так как они сами с течением времени естественным образом «сольются», а значит, смешаются с русскими. И вполне вероятно, что П.В. Знаменский сформировал свою позицию по вопросу под влиянием мнения Н.И. Ильминского.

Наконец, стоит обратить внимание на контекст, в котором П.В. Знаменский писал о русификации. Так, в статье о горных черемисах он отмечает, что этот процесс можно ускорить, если правительство поддержит марийцев в их стремлении к образованию (Г.Ч., с. 33). Не исключено, что об ускорении русификации историк писал, лишь надеясь скорее добиться от властей желаемого эффекта, а именно – содействия марийцам в области просвещения. Таким образом, в некоторых случаях, когда высказывания П.В. Знаменского об обрусении идут вкупе с его каким-либо призывом к властям, не следует отрицать вероятности упоминания им русификации ради попытки привлечь внимание правительства и русского общества к проблемам малых народов.

Итак, профессор П.В. Знаменский использует «обрусение» как многозначный термин. С одной стороны, обрусение для него означает христианизацию, распространение православия, в том числе среди неславянских народов, с другой – политическую лояльность и благорасположение к русским в целом. Он также положительно отзывался об усвоении малыми народами русского «культурного направления», понимая под этим, скорее всего, бытовые особенности и уклад жизни русских.

Хотя профессор и не отрицал вероятности того, что однажды некоторые малые народы сольются с русскими естественным путем, он, являясь сторонником системы Н.И. Ильминского, не поддерживал языковую ассимиляцию, выступая за просвещение нерусских народов на родных языках с привлечением учителей – представителей этих же национальностей. Историк разделяет собственно содержание русского образования и его внешнюю форму – русский язык. Это одна из особенностей понимания «обрусения» П.В. Знаменским, согласно которому можно не знать русского языка, сохранить в какой-то мере свою национальную идентичность и при этом «обрусеть» – при условии восприятия России как Родины.

Идеалом практически осуществленного обрусения для казанского профессора был кряшенский православный священник Василий Тимофеев, который активно занимался просвещением (в сферах образования и духовной жизни) своего народа на родном языке, проповедуя при этом идею любви и признательности к России, русским в целом и императору в частности.

Подчеркнем, что подобные взгляды не были полностью уникальными и являлись частью общественного дискурса, отражавшего национальную политику и этноконфессиональные отношения в империи.

Источники

- Бабков – *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875 г.: Разграничение с Западным Китаем 1869 г. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. – X, 575 с.
- Г.Ч. – *Знаменский П.В.* Горные черемисы Казанского края // Вестн. Европы. – 1867. – № 12. – С. 30–71.
- К.Т. – *Знаменский П.В.* Казанские татары. – Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1910. – 67 с.
- ГА РТ-1 – Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 36. Оп. 1. Д. 130: Письма архиереев и архимандритов профессору П.В. Знаменскому по вопросам академического образования и миссионерской деятельности. 115 л.
- ГА РТ-2 – ГА РТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 115: Письма директора Ташкентской гимназии И. Софийского П.В. Знаменскому о просвещении русского и инородческого населения Туркестана. 15 л.
- Участие – *Знаменский П.В.* Участие Н.И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае. – Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1900. – 116, 84 с.
- Руков. – *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. – Казань: Унив. тип., 1876. – VI, 482 с.
- Письма – *Ильминский Н.И.* Письма Николая Ивановича Ильминского (к обер-прокурору Св. Синода К.Г. Победоносцеву). – Казань: Ред. Православ. Собеседника, 1895. – VI, 414, XII с.
- О перев. – *Знаменский П.В.* О татарских переводах христианских книг // Рус. архив. – 1894. – № 10. – С. 243–249.
- Ю.П. – Юбилейные приветствия П.В. Знаменскому (24 октября 1910 г.) // Православный собеседник. – 1911. – № 1. – С. 137–150.
- Записка – *Знаменский П.В.* Записка Н.И. Ильминского по вопросу об отпадениях крещеных татар Казанской губернии // Православный собеседник. – 1895. – № 6–7. – С. 256–275.
- Память – *Знаменский П.В.* На память о Николае Ивановиче Ильминском: К двадцатипятилетию Братства Святителя Гурия. – Казань: Братство Святителя Гурия, 1892. – 402 с.
- Р.С.Ч. – *Знаменский П.В.* Религиозное состояние черемис Козьмодемьянского края // Православное обозрение. – 1866. – № 10. – С. 61–79.
- Некр. – *Знаменский П.В.* О. Василий Тимофеевич Тимофеев: (Некролог). – Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1896. – 49 с.
- Бобров. – *Бобровников Н.А.* Современное положение учебного дела у инородческих племён Восточной России. – Пг.: Сенат. тип., 1917. – 36 с.
- Пр.шк. – *Ильминский Н.И.* Программа школы для крещеных инородцев Восточной России. – Казань: Тип.-лит. насл. М. Чирковой, 1898. – 13 с.
- Яковл. – *Яковлев А.Е.* Сквозь огонь: (Записки генерала) / Лит. запись М. Глухова. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1985. – 206 с.
- Дневник – *Тимофеев В.Т.* Дневник старокрещеного татарина, 1865 года // Казанская центральная крещено-татарская школа: Материалы для истории христианского просвещения крещеных татар / Сост. Н. Ильминский. – Казань: Тип. В.М. Ключникова, 1887. – С. 129–176.

Защ.просв. – *Смоленский С.В.* В защиту просвещения восточно-русских инородцев по системе Ник. Ив. Ильминского. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. – 58 с.

Литература

1. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: НЛЮ, 2010. – 315 с.
2. *Ремнев А., Суворова Н.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // Изобретение империи: языки и практики. – М.: Новое изд-во, 2011. – С. 152–222.
3. *Крот М.Н.* Понятие «русификация» в историческом и исследовательском контексте: содержание, подходы, оценки // Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли: словарь понятий: Сб. ст. / Под общ. ред. А.Т. Урушадзе. – Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2020. – С. 28–55.
4. *Джераси Р.* Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. – М.: НЛЮ, 2013. – 546 с.
5. *Покровский И.М.* К кончине заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского // Православный собеседник. – 2017. – № 2/5. – С. 28–57.
6. *Харлампович К.В.* Историк-художник П.В. Знаменский // Изв. Северо-Восточного археол. и этногр. ин-та в гор. Казани. – 1920. – Т. 1. – С. 59–105.
7. *Федоров В.А.* Историк Русской Церкви П.В. Знаменский (1836–1917) // Вестн. ПСТБИ. Сер. Филология. История. Философия. – 2004. – № 2. – С. 132–138.
8. *Колчерин А., свящ.* Христианизация народов Поволжья: Н.И. Ильминский и православная миссия. – М.: Рос. Ин-т стратег. исслед., 2014. – 717 с.
9. *Липаков Е.В.* Знаменский // Православная энциклопедия: в 64 т. – М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2009. – Т. 20. – С. 297–300.
10. *Куницын Б.М.* Казанский адресат Н.С. Лескова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2006. – № 1. – С. 133–145.
11. *Куницын Б.М.* Казанский коллега В.О. Ключевского // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2006. – № 2. – С. 61–65.
12. *Чиркова Е.А.* В.О. Ключевский и П.В. Знаменский // Ключевский: Сб. материалов. – Пенза: Б. и., 1995. – Вып. 1. – С. 297–304.
13. *Знаменский В.А.* П.В. Знаменский – рецензент труда Н.И. Костомарова о русских народоправствах // Лествица: Материалы науч. конф. по проблемам источниковедения и историографии памяти проф. В.П. Макарихина. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2005. – С. 102–106.
14. *Солнцев Н.И.* Роль социального фактора в концепции церковной истории П.В. Знаменского // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 2. – С. 31–35.
15. *Бажура Е.А.* Вопросы становления самодержавия в Московском государстве в процессе обучения студентов Казанской духовной академии и Казанского Императорского университета. – Казань: Центр инновац. технологий, 2006. – 244 с.
16. *Бажура Е.А.* Критика подхода светской исторической науки к анализу изложения русской церковной истории П.В. Знаменским // Люди и тексты: исторический альманах. – М.: ИВИ РАН, 2014. – Ч. 1: Информационное пространство истории. – С. 307–327.
17. *Схиммельпэнник ван дер Ойе Д.* Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. – М.: РОССПЭН, 2019. – 287 с.

18. *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI – XIII вв. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. – 297 с.
19. *Амбарцумов И.В., Иванов А.А., Калиновский В.В., Котов А.Э., Чемакин А.А.* Церковное осмысление национализма: pro et contra // Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX – начало XX века): Антология. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – С. 5–98.
20. *Смирнова И.Ю.* Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. – М.: РОССПЭН, 2016. – 590 с.

Поступила в редакцию
30.03.2022

Нехорошева Татьяна Михайловна, аспирант кафедры истории России

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, д. 23Б, г. Москва, 115184, Россия
E-mail: nehortatiana@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 3, pp. 199–212

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.199-212

The Concept of “Russification” as Understood by Professor P.V. Znamensky

T.M. Nekhorosheva

Saint Tikhon’s Orthodox University, Moscow, 115184 Russia
E-mail: nehortatiana@mail.ru

Received March 30, 2022

Abstract

Nowadays, many polysemantic terms that are widely used in history, such as Russification, should be studied in detail and have their meanings clarified. This article analyzes the concept of Russification in the works of Pyotr Vasilyevich Znamensky (1836–1917), a historian and professor of the Kazan Theological Academy. The main structural components that are, to some extent, characteristic of Russification are revealed: linguistic community, unity of faith, and political loyalty. P.V. Znamensky’s attitude toward each of these elements in the context of the national policy problem in the Russian Empire is considered. The results obtained show that he did not support the idea that small-numbered peoples should have immediately switched to the Russian language in their liturgical life and education. Instead, he was a consistent supporter of N.I. Ilminsky’s system, entailing that non-Russian-speaking peoples should have been educated in their national languages. For P.V. Znamensky, Russification most often implied the Christianization of these peoples. According to him, Russification meant that the peoples of the Russian Empire loved the state and the emperor and were loyal to the authorities. At the same time, P.V. Znamensky did not completely deny the possibility of a gradual natural assimilation of some peoples with the Russians over time.

Keywords: P.V. Znamensky, N.I. Ilminsky, small-numbered peoples of the Russian Empire, national policy, Russification, national languages, Christian education, Christianization, ethno-confessional issue

References

1. Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism. Essays in the Methodology of Historical Research]. Moscow, NLO, 2010. 315 p. (In Russian)
2. Remnev A., Suvorova N. "Russian affairs" in the Asian borderlands: "Russianness" under threat and "dubious pillars of culture". In: *Izobretenie imperii: yazyki i praktiki* [The Invention of Empire: Languages and Practices]. Moscow, Novoe Izd., 2011, pp. 152–222. (In Russian)
3. Krot M.N. The concept of "Russification" in the historical and research context: Content, approaches, estimates. In: Urushadze A.T. (Ed.) *Natsional'nye okrainy v politike Rossiiskoi imperii i russkoi obshchestvennoi mysli: slovar' ponyatii. Sb. st.* [National Borders in the Politics of the Russian Empire and the Russian Social Mind: A Dictionary of Concepts: Collected Articles]. Rostov-on-Don, YuNTs Ross. Akad. Nauk, 2020, pp. 28–55. (In Russian)
4. Geraci R. *Okno na Vostok: imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window on the East: Empire, Orientalism, Nation, and Religion in Russia]. Moscow, NLO, 2013. 546 p. (In Russian)
5. Pokrovskii I.M. On the demise of Petr Vasilyevich Znamensky, Distinguished Professor Ordinarius of the Kazan Theological Academy. *Pravoslavnyi Sobesednik*, 2017, no. 2/5, pp. 28–57. (In Russian)
6. Kharlampovich K.V. P.V. Znamensky, a historian and artist. *Izvestiya Severo-Vostochnogo Arkheologicheskogo i Emograficheskogo Instituta v Gorode Kazani*, 1920, vol. 1, pp. 59–105. (In Russian)
7. Fedorov V.A. P.V. Znamensky (1836–1917) as a historian of the Russian Church. *Vestnik PSTBI. Seriya Filologiya. Istoriya. Filosofiya*, 2004, no. 2, pp. 132–138. (In Russian)
8. Kolcherin A., Pr. *Khristianizatsiya narodov Povolzh'ya: N.I. Il'minskii i pravoslavnaya missiya* [Christianization of the Peoples of the Volga Region: N.I. Ilminsky and the Orthodox Mission]. Moscow, Ross. Inst. Strateg. Issled., 2014. 717 p. (In Russian)
9. Lipakov E.V. Znamensky. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 20. Moscow, Tserk.-Nauchn. Tsentr "Pravoslavnaya Entsikl.", 2009, pp. 297–300. (In Russian)
10. Kunitsyn B.M. N.S. Leskov's addressee from Kazan. *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2006, no. 1, pp. 133–145. (In Russian)
11. Kunitsyn B.M. V.O. Klyuchevsky's colleague from Kazan. *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2006, no. 2, pp. 61–65. (In Russian)
12. Chirkova E.A. V.O. Klyuchevsky and P.V. Znamensky. In: *Klyuchevskii: Sb. materialov* [Klyuchevsky: A Collection of Writings]. Penza, s.n., 1995, no. 1, pp. 297–304. (In Russian)
13. Znamensky V.A. P.V. Znamensky as a reviewer of N.I. Kostomarov's work on the sovereignty of the people's rule in Russia. *Lestvitsa: Materialy nauch. konf. po problemam istochnikovedeniya i istoriografii pamyati prof. V.P. Makarikhina* [Ladder: Proc. Sci. Conf. on the Problems of Source Studies and Historiography Dedicated to the Memory of Professor V.P. Makarikhin]. Nizhny Novgorod, Izd. Nizhegorod. Gos. Univ., 2005, pp. 102–106. (In Russian)
14. Solntsev N.I. The role of social factor in P. Znamensky's conception of church history. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2009, vol. 151, no. 5, pt. 2, pp. 31–35. (In Russian)
15. Bazhura E.A. *Voprosy stanovleniya samodержaviya v Moskovskom gosudarstve v protsesse obucheniya studentov Kazanskoi dukhovnoi akademii i Kazanskogo Imperatorskogo universiteta* [The Problems of Autocracy Formation in the Moscow State in the Education of Students at the Kazan Kazan Theological Academy and Imperial Kazan University]. Kazan, Tsentr Innovats. Tekhnol., 2006. 244 p. (In Russian)
16. Bazhura E.A. Criticism of the approach taken by secular historical science to the analysis of P.V. Znamensky's work on the Russian Church history. In: *Lyudi i teksty: istoricheskii al'manakh* [People and Texts: A Historical Almanac]. Pt. 1: The information scene of history. Moscow, IVI Ross. Acad. Nauk, 2014, pp. 307–327. (In Russian)
17. Schimmelpenninck van der Oye D. *Russkii orientalizm: Aziya v rossiiskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloi emigratsii* [Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration]. Moscow, ROSSPEN, 2019. 287 p. (In Russian)

18. Laushkin A.V. *Rus' i sosedi: istoriya etnokonfessional'nykh predstavlenii v drevnerusskoi knizhnosti XI – XIII vv.* [Russia and Its Neighbors: A History of Ethno-Confessional Views in the Old Russian Literature of the 11th–13th Centuries]. Moscow, Univ. Dmitriya Pozharskogo: Russ. Fond Sodeistviya Obraz. Nauke, 2019. 297 p. (In Russian)
19. Ambartsumov I.V., Ivanov A.A., Kalinovskii V.V., Kotov A.E., Chemakin A.A. The Church's understanding of nationalism: Pro et contra. In: *Pravoslavnyaya tserkov' i russkii natsionalizm (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka): Antologiya* [The Orthodox Church and Russian Nationalism (The Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries): An Anthology]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2021, pp. 5–98. (In Russian)
20. Smirnova I.Yu. *Mezhdue Zapadom i Vostokom: iz istorii tserkovno-diplomaticheskikh otnoshenii na Blizhnem i Dal'nem Vostoke* [Between the East and West: A History of the Ecclesiastical and Diplomatic Relations in the Near and Far East]. Moscow, ROSSPEN, 2016. 590 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Нехорошева Т.М. Понятие «обрусение» в трактовке профессора П.В. Знаменского // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 3. – С. 199–212. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.199-212. ⟩

⟨ **For citation:** Nekhorosheva T.M. The concept of “Russification” as understood by Professor P.V. Znamensky. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 3, pp. 199–212. doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.199-212. (In Russian) ⟩